

История Нового Года, Рождества и Деда Мороза

Новый Год

Как вы думаете, какой из праздников самый древний? Разумеется, Новый год! В различных точках земного шара этот праздник отмечают не только по-разному, но и в самое разное время. У многочисленных неоязычников Европы кельтский Новый год — Samhain — уже давно прошел. Аж в конце октября. Не говоря уже о еврейском Rosh Hashanah. Дальневосточный — китайский — будет только через месяц, в ближайшее новолуние. А персам так и вовсе не повезло. Им почти три месяца еще ждать. Их Новый год наступит лишь в конце марта.

Вообще же традиция встречи Нового года повсеместно распространена в цивилизованных и примитивных (архаических) обществах. Возникла она в глубоком прошлом и связана с появлением у человека ощущения необходимости периодического обновления мира. Отправным моментом, видимо, послужили наблюдения за биокосмическими ритмами: все в этом мире имеет свое начало и свой конец; луна растет, становится полной, а затем уменьшается и исчезает, природа расцветает весной и умирает зимой, все живое проходит стадии развития, старения и смерти. Но за каждой смертью следует новое рождение, поэтому весь мир, время и сам человек нуждаются в периодическом обновлении, которое свершается в Новый год. У различных племен и народов наступление Нового года приходилось, да и ныне приходится, на различное время года, но каждому празднику присуща общая черта – в Новый год гибнет старый мир, гибнет со всем плохим, что в нем было, а на смену ему рождается новый мир.

Новый год – не момент, а промежуток между смертью и новым рождением. Чтобы начать новую жизнь, человек должен посредством специальных ритуалов очиститься от грехов, от старения и разложения мира. В наше время у православных христиан это осуществляется во время постов, в том числе Рождественского, после которого они исповедуются и причащаются. У древних славян существовал ритуал омовения в бане, соответствующий по своему значению крещению, то есть очищению и приобщению к Богу. У евреев и мусульман до сих пор существует обряд омовения перед трапезой или молитвой, у христиан – чин водосвятия и крещение водой.

В архаических обществах сотворение нового мира происходило ежегодно, иногда несколько раз в год. В Месопотамии в третьем тысячелетии до новой эры Новый год встречали в период весеннего равноденствия (марте – апреле). Считалось, что в это время светлый бог неба Мардук, описываемый в поэме «Энума элиш» как «ребенок-солнце», побеждает дракона Тиамат – воплощение мирового хаоса. Мардук разрушает тело Тиамат на две части, из нижней части создает землю, из верхней – небо, а из крови демона Кингу – человека. Во время праздника, продолжавшегося двенадцать дней, две группы людей разыгрывали все перипетии этого мифологического сюжета. У древних египтян Новый год также символизировал сотворение нового мира. Его отмечали в период разлива Нила, воды которого смывали все старое, а принесенный ими ил служил основой для будущего урожая и процветания страны. В Израиле в Новый год бог Яхве побеждал силы хаоса (исторических врагов Израиля) и становился королем мира, в результате чего происходило обновление мироздания.

В дохристианский период многие индоевропейские народы праздновали наступление Нового года в период зимнего солнцестояния. В III веке христианские историки приняли за начало года 1 марта, а с V века на этот стиль перешли во многих городах и областях Европы, в том числе на островах Венецианской лагуны и во Франкском государстве. Вместе с тем папская канцелярия использовала благовещенский стиль – от «воплощения Господа» – с началом года 25 марта. Он был весьма популярен также во Флоренции, Пизе, Кельне и Мюнстере. В Римской империи с IV века счет дней в году вели от 25 декабря – Рождества Христова. С IX века этот стиль стали применять (наряду с благовещенским) на территориях германских герцогств, а с 1310 года вплоть до второй половины XVI века он оставался там практически единственным. В Англии Новый год долгое время встречали 25 марта и только в 1752 году парламент принял решение перенести его на 1 января. На территории Франции с 420 по 752 год началом года считалось 1 марта, с 753 по 987-й – Рождество, с 988 по 1563-й – первый день Пасхи. В 1563 году Карл IX повелел начинать год с 1 января, парламент противился этому до 1567 года, а затем все же подчинился нововведению. В Дании и Швеции в прошлом тысячелетии год начинался 12 января (в день окончания праздника «зимней ночи»), в 940 году король Гакон перешел в христианство и совместил начало года с Рождеством Христовым, с 1559 года его перенесли на 1 января. В Испании на эту систему перешли с 1556 года, в Нидерландах – с 1575-го, в Шотландии – с 1600-го, в папской канцелярии – с 1691-го.

1 марта, 25 марта и 1 сентября являются днями «сотворения мира» в соответствии с константинопольской (древнерусской), александрийской и антиохийской эрами. Другие варианты начала года в христианских странах тесно связаны с ключевыми моментами в жизни Спасителя и соотносятся либо с днем его рождения в человеческом образе – Рождеством, либо с днем его Крещения, либо с его возрождением после физической смерти – Пасхой.

В Древней Руси год начинался в марте – в день появления новой луны в период весеннего равноденствия. Возможно, такой отсчет начала года был принят по примеру ветхозаветной церкви, которая начало своего церковного года приурочивала к месяцу нисану, примерно соответствующему нашему марту. В XIII веке началом года стали считать 1 марта, но одновременно существовала и еще одна новогодняя дата – 1 сентября, которая пришла к нам вместе с религией из Византии. Связано это с особым почитанием православными римского императора Константина I Великого, который в этот день в 312 году разбил своего главного соперника Максенция. Через год миланским эдиктом император Константин I допустил свободное вероисповедание христианства, а с 325 года сделал его государственной религией Римской империи. Поворот Константина I к христианству произошел в день его битвы с Максенцием. В 312 году сам Константин I ввел счисление, согласно которому год начинался 23 сентября – датой рождения первого римского императора Октавиана Августа. Такое счисление было принято во многих странах Востока и просуществовало до 462 года, когда из практических соображений (удобства расчета 15-летнего индиктового цикла сбора податей с провинций) начало года перенесли на 1 сентября. Видимо, тогда же родилось и обоснование этой даты – «в честь императора Константина».

В Литве и Польше с 1362 года новый год начинался 1 января, а летосчисление велось «от Рождества Христова». Такая же система была распространена и на

территориях, находившихся под влиянием этих государств, в частности встречается в украинских летописях того времени. На территориях независимых русских княжеств новый год долгое время мог начинаться 1 марта и 1 сентября, пока в 1342 году московский митрополит Феогност, а затем и церковный собор 1492 года не узаконили начало года с 1 сентября. Великий князь Московский и «всея Руси» Иван III утвердил постановление церковного собора, причем с 1 сентября стал начинаться не только церковный, но и гражданский год. Возможно, инициатором этого решения был сам Иван III, поскольку вторым браком (1472 год) он был женат на Софье Палеолог – племяннице последнего византийского императора.

Интересно, что 1492 год от Рождества Христова ожидали как «роковой» год – год «конца мира», поскольку еврейские, а затем и христианские толкователи Библии полагали, что мир будет существовать то ли 6000, то ли 7000 лет от его сотворения – эквивалентно числу дней творения или полной седмицы. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин пишет:

«Истекла седьмая тысяча лет от сотворения мира по Греческим Хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества... думая, что все ненадолго».

Уверенность в конце мира была настолько велика, что пасхальные таблицы в Греции и Руси ограничились 1492 годом. Однако год истек, все «успокоились, увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется», а Московский церковный собор сразу же в сентябре утвердил пасхалию на последующие годы и перенес начало года на 1 сентября.

Последний раз осенний Новый год был отпразднован в 1699 году и проведен был "весело и в пиршестве". Воевода Шеин устроил все с царской пышностью, собрав на праздник множество бояр, гражданских и военных чиновников, а также большое число гвардейцев и матросов.

К ним подходил сам Царь, оделял их яблоками, называя "братом". Каждый задравный кубок сопровождался выстрелом из двадцати пяти орудий. Затем Царь, явившись в Успенский собор в сопровождении своего сына Алексея и жены царицы Евдокии, сам поздравлял народ с Новым годом.

Но уже следующий Новый год Петр хочет праздновать по-новому. Отменив летосчисление от дня сотворения мира, он "лучшего ради согласия с народами европейскими в контрактах и трактатах" устанавливает отсчет времени по Рождеству Христову. А заодно, и все по той же причине, переносит празднование Нового года с сентября на январь.

Петр понимает, что его шаги могут встретить непонимание и уже в самом указе оправдывается: "Не только во многих христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною нашей церковью во всем согласны, как валахи, молдавы, сербы, далматы и самые его Великого Государя подданные черкасы (малороссы) и все греки, от которых наша вера православная принята, согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова в восьмой день спустя, т.е. января первого числа, а не от создания мира, за многую рознь счисления в тех летах".

И все же по России прокатился глухой ропот. Возмущались не только простецы. От многих "благородных", занятых "подобно черни предубеждениями", слышались даже и "хульные слова". "Как мог Государь переменить солнечное

течение?" - спрашивали друг друга они, свято веруя, что Бог "сотворил свет в сентябре месяце".

И тут на помощь Царю и вовремя подоспел Феофан Прокопович, знаменитый церковный деятель. В своих "обличительных опусах" он обрушился на "пономарей и апостатей", недовольных "погублением лет Божиих". И крепко побил их своим словом. "Что приличнее и честнее? Праздновать ли новолетие в память даней и податей или тогда, когда празднуем пришествие в мир Сына Божия. Им же мы от долгов вечных и от уз нерешимых освобождаемся?"

Произведя риторическим вопросом необходимый эффект, Феофан уже снисходительнее поясняет: "От начала Христовой церкви не писали христиане числа лет ни от сотворения мира, ни от Рождества Христова. Только в шестом веке в римской церкви начали означать время от Рождества, а в греческой за полторы тысячи лет не означивали и недавно означать стали, и то еще не повсеместным обычаем. Что же теперь скажете, слепые хронологи?"

20 декабря 1699 года Петр I издал указ, согласно которому, «по примеру всех христианских народов», предписывалось вести летосчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова. В соответствии с этим после 31 декабря 1700 года наступало 1 января 1701 года от Рождества Христова. Далее в указе говорилось:

«В знак того доброго начинания и нового столетняго века <...> после должного благодарения Богу и молебнаго пения в церкви и кому случится в дому своему, по большим и проезжим знатным улицам знатным людям и у домов Нарочитых духовнаго и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых <...> а людям скудным хотя бы по древцу, или ветве на воротья, или над хроминою своею поставить <...> а стоять тому украшению Генваря по 7 день тогож 1701 года. Да Генваря ж в 1 день, в знак веселия, друг друга поздравлять с Новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненные потехи жгут и стрельба будет, потом по знатным дворам Боярам и Окольничим и Думным и Ближним и знатным людям палатного, воинского и купеческого чина знаменитым людям, каждому на своем дворе из небольших пушек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетов или инаго мелкого ружья, учинить трожды стрельбу, и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать из дров и хворосту, или соломы, а где мелкие дворы, собрався пять или шесть дворов, такой огонь класть или, кто похочет, на столбиках поставить по одной или по 2 или по 3 смоляные и худыя бочки, и наполня соломой или хворостом, зажигать».

1701 год начался службами во всех церквах «с испрашиванием благославления на Новый год». Указания царя были выполнены со всей тщательностью, а сам Петр, по сообщению австрийского резидента О.-А. Плейера, «в этот вечер устроил очень красивый фейерверк, целый день приказал стрелять из пушек, которых более 209 везено было к Кремлю, и эта стрельба из пушек и фейерверки, как и стрельба из мелкого ружья по всем домам, также иллюминации и другие изъявления радости в течение шести дней заключены были обыкновенным освящением воды, или Иорданью, в день св. Богоявления».

Традицию веселой встречи Нового года Петр I поддерживал в течение всего царствования. Сохранилась она при дворе последующих правителей, но прежнего размаха праздники уже не достигали. Для большинства населения России Новый

год остался всего лишь одним из дней веселых зимних святок. В XIX веке, к примеру, по случаю наступления Нового года в православных храмах служили Божественные литургии, но одновременно молились во славу Бога, даровавшего победу русскому оружию в войне 1812 года, и поминали павших защитников отечества. В столицах и провинции устраивались карнавалы и балы, но они производились и по другим, менее значительным поводам. Газета «Санктпетербургские ведомости» 1 января 1853 года сообщала:

«Петербург проводит Васильев день точно так же, как и все другие вечера: так же играет в карты, так же танцует, так же ужинает и пьет шампанское, с той только разницею, что прибавляет поздравление с Новым годом».

Только на окраинах города и в провинции отношение к Васильеву вечеру было особенным, да и то потому, что вечер этот посвящался святочным гаданиям.

Рождество

В 1582 году папа Григорий XIII ввел новую календарную систему, которая получила название григорианской или «новый стиль». Реформа эта сопровождалась протестами и ожесточенной полемикой среди ученых и священников, но католические страны перешли на новый стиль практически сразу – ослушников ждало отлучение от церкви. Постепенно к ним стали присоединяться страны с протестантским вероисповеданием, и к 1782 году почти все государства Европы перешли на новое летосчисление. Православная церковь на Константинопольском соборе 1583 года признала неточность юлианского календаря, но на григорианский переходить отказалась, поскольку по новому стилю христианская Пасха иногда совпадает с еврейской или наступает раньше нее, что запрещено «Апостольскими правилами». Не перешла на григорианский стиль и Россия, хотя с 1700 года она и встречала новый год 1 января, но все же на 11 суток позднее других европейских государств. В нашей стране календарную реформу провели большевики сразу после прихода к власти: 16 ноября 1917 года этот вопрос обсуждался в правительстве, а 24 января 1918 года был принят декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря:

«В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени, Совет Народных Комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданский обиход новый календарь. В силу этого:

Первый день после 31 января сего года считать не 1-ым февраля, а 14 февраля, второй день – считать 15-м».

Декрет подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), помощник Народного Комиссара по Иностранным Делах Г. Чичерин, Народные Комиссары: А. Шляпников, Г. Петровский, А. Амосов, В. Оболенский, Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов. Он был опубликован на следующий день в «Правде».

Обращает на себя внимание сходство формулировки причин перехода на новый календарь Петром I и большевиками. У Петра I – «...по примеру всех христианских народов...», у большевиков – «...в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени...».

Видимо, изменение календаря для новой власти в немалой степени диктовалось стремлением разделить светскую и духовную жизнь, повернуть

сознание людей к новым идеям и ценностям, которые усиленно внедрялись. Церковь переходу на новый календарь воспротивилась, и до сих пор устройство церковного года осуществляется по юлианскому календарю. В результате советский Новый год предшествует православному Рождеству Христову, а православные по-прежнему встречают Новый год по старому летосчислению, то есть 14 января, называя его «старым Новым годом».

Рождество Христово в католическом и протестантском мире празднуется 25 декабря по григорианскому календарю, тогда же, 25 декабря, оно празднуется и в православном мире, но по юлианскому календарю. В XX и XXI веках это соответствует 7 января по новому стилю, а в XXII веке – 8 января. Для католиков и протестантов – это самый главный праздник в году. Для православных – большой, но не самый великий праздник. Его затмевает Пасха, ибо духовное возрождение важнее земного рождения. Древние христиане вообще называли днем рождения человека день его смерти, поэтому и праздник Рождества появился не сразу, а можно сказать, под давлением внешних обстоятельств.

Древней церкви был **неизвестен не только день, но и месяц рождения Иисуса Христа**. Одной из причин появления праздника явилась борьба с еретиками – гностиками, которые придавали самое большое значение в жизни Спасителя его крещению, считая, что Дух Святой сошел на Иисуса в Иордане, а до того он был простым человеком, доступным греху. Чтобы противопоставить гностическому празднику свой такой же, древняя церковь установила праздник Крещения и назвала его Богоявлением, тем самым внушая мысль, что в этот день Христос не стал впервые Богом, а только явил себя в этой ипостаси. По своему смыслу слово «богоявление» означало не только Крещение, но и Рождество Христово, поэтому в этот день праздновалось то и другое.

В начале нашей эры в греческо-римском мире одновременно с распространением христианства происходило распространение языческой религии: культа солнца. Более того, в 70-х годах III века римский император Аврелиан сделал эту религию официальной для империи. Главным праздником религии солнца были дни зимнего солнцестояния – время, когда происходит переход от зимнего умирания к весеннему воскресению природы. В центре этого божественного чуда, победы света над тьмой, было солнце – источник света и жизни.

В 325 году, когда император Константин I делает христианство государственной религией, христиане составляли примерно десять процентов всего населения империи. Главным методом обращения в христианство остального населения стало использование самих языческих верований, очищенных и наполненных новым смыслом. По этой причине **праздник Рождества Христова** отделили от праздника Крещения и **перенесли на день рождения солнца (25 декабря)**, «как рождение подлинного духовного солнца, вхождение в мир подлинного духовного света». С тех пор в главном песнопении праздника сохранились слова: «Рождество Твое, Христос Бог наш, воссияло для мира светом познания. Ибо в нем служащие звездам были научены поклоняться Тебе, солнцу правды...». Таким образом, **праздник Рождества был произвольно назначен на 25 декабря**.

В дореволюционной России Рождество было одним из самых любимых праздников. Придя к власти в 1917 году, большевики вознамерились создать новый мир:

«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим – кто был ничем, тот станет всем».

День 7 ноября стали считать первым днем новой эры и ежегодно праздновать как Новый год со всеми его ритуалами. При таком видении мира ни Богу, ни старым праздникам места в новой России не было, поэтому началась активная кампания борьбы с ними. Руководили большевики, а непосредственными исполнителями стали комсомольцы. Обстановку борьбы с религией и праздником Рождества Христова наглядно передают газеты и журналы того времени. Вот, к примеру, заголовки статей «Комсомольской правды» конца 20-х годов накануне «нового» и «старого» Рождества: «Научной плеткой по религиозному дурману», «В поход на религию и пьяный, обжорный праздник», «Провести комсомольское рождество разумно, не в пьянке и обжорстве, а на гуляньях, вечерах и на спорте».

На тропу войны с религией и старыми праздниками встали пролетарские поэты. Демьян Бедный в апреле – мае 1924 года опубликовал в «Правде» «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», где Иисус Христос представлен неполноценным от рождения человеком, к тому же наделенным многими пороками. Владимир Маяковский клеймил некоего Лебита за то, что «он, приведя резоны разные, по-христиански елку празднует» («Комсомольская правда», 1928, 22 дек.). Александр Введенский написал строки, ставшие популярными: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов» («Чиж», 1931, № 12). Семен Кирсанов в стихотворении «Рождество» («Комсомольская правда», 1928, 25 дек.) обратился к комсомольцам с призывом: «Праздновать рождество – значит праздновать рабство с невежеством!.. Елки сухая розга маячит в глазища нам, по шапке деда Мороза, ангела – по зубам!»

Апогей борьбы с Рождеством пришелся на 1930 год. Коммунисты в очередной раз обосновали необходимость борьбы с ним: «1930 лет гуляет по белу свету несуразная, нескладная рождественская сказка, состряпанная в угоду паразитам услужливыми лапами мракобесов на горе, на унижение угнетенных и обездоленных тружеников, на злое издевательство и надругательство над ними... Надеть ярмо рабочему на шею, ударить революцию крестом по голове – вот подлый классовый смысл рождественской легенды» («Известия», 1930, 6 янв.).

Комсомольцы в Москве (сорок тысяч человек) и других городах «весело» похоронили религию, героев старого быта, любителей побездельничать в Рождество – Макдональдов, священников, пьяниц, монахов, гадалщиц. Они осмеивали елки и церкви, рядились в попов, ксендзов, пасторов, раввинов и читали «проповеди», а потом под музыку, хохот и пляски жгли иконы, макеты церквей, ризы священников.

Особых нападок на Новый год не было, его терпели, но видели в нем что-то чуждое советскому режиму – «обывательское» и старались приспособить к своим нуждам. Пропагандировался опыт клубов по организации детских новогодних инсценировок, маскарадов и живых газет. «Комсомольская правда» приводила в пример, как культурно, «...необычно, на удивление всем, не танцуя, не хмелея, скромно шагнула в новый год замоскворецкая молодежь – смотрела в театре революции премьеру спектакля „Купите револьвер“» (1927, 4 янв.).

Начиная с декабря 1931 года активная антирелигиозная пропаганда почти прекратилась. Дело в том, что, в соответствии с декретом Совнаркома СССР от 24 сентября 1929 года, страна перешла на пятидневную рабочую неделю (четыре дня рабочих, пятый – выходной, причем не совпадающий для большинства рабочих и служащих), при которой праздникам, за исключением революционных, места не было. Считалось, что переход на пятидневку вызван необходимостью рациональной организации труда, однако (судя по тексту декрета, это тоже планировалось) такой режим работы способствовал еще большему отдалению верующих от церкви. Неясно, насколько была эффективна пятидневка в экономическом плане, но просуществовала она только несколько лет, а затем Советский Союз постепенно перешел на шестидневную рабочую неделю. Возможно, что пятидневка была по-своему хороша и задачи по преобразованию экономики страны выполнила, но оставалась задача воспитания нового советского человека. Добиться этого при разобщенности людей вне производственного процесса было трудно. Вместе с тем известно, что праздники являются очень эффективным способом сплочения коллектива, средством воздействия на человека и управления им. Поэтому реабилитация новогодней елки скорее всего явилась продуманной акцией. 28 декабря 1935 года в газете «Правда» была опубликована статья П.П. Постышева «Давайте организуем к новому году детям хорошую елку»:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богачей. Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как «левые», загибщики ославили это детское развлечение, как буржуазную затею.

Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец. Комсомольцы, пионер-работники должны под новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах – везде должна быть детская елка. Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне нового года елку для своих ребятишек. Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, органы народного образования должны помочь устройству советской елки для детей нашей великой социалистической родины.

Организации детской новогодней елки наши ребятишки будут только благодарны.

Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская елка является буржуазным предрассудком.

Итак, давайте организуем веселую встречу нового года для детей, устроим хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!»

Обратим внимание, что елка из рождественской превратилась в новогоднюю, а сама статья воспринимается как руководство к действию. Судя по развернувшейся кампании, все было согласовано заранее. В той же газете помещена заметка «Продажа елок на рынках Москвы», в которой буднично сообщается, что на некоторых рынках появились елки и их охотно раскупают жены рабочих, служащих, инженеров, командиров Красной Армии, дети и подростки.

Далее сообщалось, что достать елки и игрушки к ним очень трудно, поскольку директора крупнейших рынков не разрешают их продавать, считая это нарушением каких-то никому не ведомых правил и «баловством».

В тот же день ЦК ВЛКСМ принимает постановление «О проведении вечеров учащихся, посвященных встрече нового 1936 года», фабрикам и заводам дается поручение подготовить детям подарки, а райлесхозам – заготовить елки. В следующем выпуске «Комсомольская правда» заранее осудила возможных противников новой кампании:

«Нет сомнения, что и сейчас найдется немало таких блюстителей „современности“, которые сочтут детскую елку за буржуазный предрассудок и лишат детвору прекрасного удовольствия. Комсомольцы первые должны осудить этих „сухарей“, уже немало навредивших делу воспитания здорового, веселого и жизнерадостного поколения».

Одновременно с устройством елок для детей власти стали поощрять коллективную встречу Нового года взрослыми. 31 декабря того же 1935 года «Комсомольская правда» опубликовала статью «Студенческий бал-маскарад»:

«Яркие ленты, плакаты, панно, карикатуры, маски, рисунки, вырезанные фигуры украшали коридоры, стены зала, колонны и каждый уголок институтского здания. Даже громкоговорители, непрерывно разносившие по институту звуки танцевальных мелодий, прятались под большими открытыми поющими масками...

В зале шум. Это на огромном коне въехал Дон-Кихот Ламанчский со своим верным слугой Санчо Пансой. Но вдруг конь упал, и из него стали вылезать Коломбины, Арлекины, и опять все закурилось, затанцевало и запело.

Уже 2 часа ночи. Но это мало кого волнует – „Счастливые часов не наблюдают“, эту надпись на всех часах держит Амур, или она написана на огненно-красном сердце, подвешенном к часам»...

Новый год мгновенно перешел из неофициального статуса в статус государственного праздника, а с 1 января 1948 года (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года) первый день нового года стал нерабочим днем. А что же с Рождеством? Не то чтобы бороться с ним перестали – боролись, но не так шумно и крикливо, как раньше. И агитацию вели, и церкви закрывали... Так продолжалось вплоть до конца 80-х годов, а 7 января 1991 года Россия вновь на государственном уровне отметила православное Рождество Христово. Однако пройдет еще немало времени, прежде чем этот праздник займет свое особое место в нашей жизни, и, видимо, он будет во многом отличаться от дореволюционного Рождества: нарушилась преемственность традиции, изменились мы, к тому же привычная нам встреча Нового года разрушает нормальное течение рождественского поста, обязательного для верующих.

В силу своего происхождения праздник Рождества Христова несет в себе некоторые элементы символики праздника солнцестояния – символики циклического возрождения мира. Это же значение придают Пасхе, – другому важнейшему христианскому празднику, – пасхальное яйцо и кролик. Вспомним хотя бы сказку о Кашее Бессмертном, сюжет которой восходит к языческим верованиям индоевропейцев. Смерть Кашея (воплощение сил зла и хаоса) заключена в яйце, яйцо находится в утке, утка – в зайце (кролике), заяц – в сундуке, сундук – на дереве. Если разбить яйцо, то Кашей (старый мир) гибнет и рождается новый мир, новая вселенная.

История рождения, смерти и воскресения Иисуса Христа напоминает ритуалы, связанные с символизмом ежегодного возрождения мира, где другие «спасители» - боги или полубоги – преуспели в своем назначении, были убиты и возрождены, а вместе с ними возродился и мир. Однако, при всей схожести христианства с циклическими религиями, где смерть и возрождение бога, будь то Озирис, Таммуз или Орфей, были вечно повторяющимся мифом, Христос родился, был распят, воскрес и вознесся по правую руку Бога Отца один раз и навсегда. Завершенность воскресения приводит к тому, что в христианских ритуалах, в том числе и праздника Рождества Христова, празднуется уже совершенное, но одновременно и как духовное событие, происходящее именно сегодня и с самими верующими.

Люди и весь мир возродятся только один раз, когда во второй раз явится Спаситель и у каждого спросит по делам его.

Казалось бы, христианство дает человеку наивысшую свободу, которую он только может себе вообразить, – человек может все, даже влиять на вселенную. Только верь, и все сбудется по вере твоей, только не сомневайся в сердце своем. Однако достигнуть этого могут только избранные: святые, мученики и праведники, только их ждет восхождение на Небеса, в рай и общение с Богом, только они обретут вечное спасение. Путь этот не закрыт никому, но, по наблюдению М. Элиаде, у большинства современных людей, в том числе и у христиан, где-то глубоко внутри сидит мысль, «что жизнь нельзя исправить, а можно только создать заново». Поэтому многие из нас считают возможным начать новую, незапятнанную жизнь, новое, добродетельное существование с Нового года, Рождества, дня рождения или, к примеру, с понедельника. В этом, несомненно, прослеживаются архетипические воззрения наших предков на возможность уничтожения времени, многократного периодического возрождения не только природы, но и человека.

Дед Мороз

Представьте себе, что предками Деда Мороза в одних странах считают "местных" гномов. В других средневековых странствующих жонглеров, которые распевали рождественские песни, или бродячих продавцов детских игрушек. Существует мнение, что среди родственников Деда Мороза значится восточнославянский дух холода Трескун, он же Студенец, Мороз. Образ Деда Мороза складывался веками, и каждый народ вносил в его историю что-то свое.

Но среди предков старца был, оказывается, и вполне реальный человек. В IV веке жил в турецком городе Мира архиепископ Николай. По преданию, это был очень добрый человек. Так, однажды он спас трех дочерей бедствующего семейства, подбросив в окно их дома узелки с золотом. После смерти Николая объявили святым. В XI веке церковь, где он был захоронен, ограбили итальянские пираты. Они похитили останки святого и увезли к себе на родину.

Прихожане церкви святого Николая были возмущены. Разразился международный скандал. История эта наделала так много шума, что Николай стал объектом почитания и поклонения христиан из разных стран мира.

В средние века твердо установился обычай в Николин день, 19 декабря, дарить детям подарки, ведь так поступал сам святой. После введения нового календаря святой стал приходиться к детям на Рождество, а потом и в Новый год. Везде доброго старика называют по-разному: в Испании - папа Ноэль, в Румынии -

Мош Джарилэ, в Голландии - Синте-Клаас, в Англии и Америке - Санта-Клаус, а у нас - Дед Мороз.

Костюм Деда Мороза тоже появился не сразу. Сначала его изображали в плаще. К началу XIX века голландцы рисовали его стройным курильщиком трубки, умело прочищающим дымоходы, через которые он забрасывал детям подарки. В конце того же века его одели в красную шубу, отороченную мехом. В 1860 году американский художник Томас Найт украсил Деда Мороза бородой, а вскоре англичанин Тенниел создал образ добродушного толстяка.

С таким Дедом Морозом все мы хорошо знакомы.